

Н. Е. Лихина

УТОПИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОМАНА В. ШАРОВА
«БУДЬТЕ КАК ДЕТИ»

Новый роман В. Шарова характеризуется в контексте литературных традиций утопии, антиутопии, ленинского мифа и антимифа, а также в контексте художественного мира писателя.

The article analyses Vladimir Sharov's new novel in the context of literary traditions of utopia, dystopia, Lenin myth and antimyth, as well as against the background of the author's creative method.

Ключевые слова: Шаров, постмодернизм, утопия, антиутопия, эсхатология, лениниана, миф.

Keywords: Sharov, postmodernism, utopia, dystopia, eschatology, Leniniana, myth.

Знаковым явлением в современной литературе стал роман В. Шарова «Будьте как дети» [1], ставший претендентом на премии «Большая книга» (2009) и «Книга года» (2008) и обозначенный критикой как роман о крестном пути России в XX веке¹.

Замысел романа: «Когда-то давно меня поразило описание крестового похода детей, сама возможность такого похода и обстоятельства, с ним связанные» [2] — соединяется концептуально с общей творческой установкой писателя: «Мне интересны судьбы людей, сама канва этих судеб, этакая совершенно безумная и страшная вышивка, ведь в России никто не прожил жизнь, как хотел» [2].

«Владимир Шаров уже в который раз взялся за невозможное. Он исследует советскую историю как богословский кошмар» [3]. Это мнение критика по поводу романа «Воскрешение Лазаря» применимо и к последнему произведению писателя. «Читатели В. Шарова (в том числе и литературные критики) делятся на ниспровергателей и фанатов. Первые обвиняют писателя в сведении счетов с Христом, пляске на гробах, вульгарном искажении истории. Вторые ценят в его текстах тонкую интеллектуальную игру, острый сюжет, концентрированность повествования, лишенного композиционных пустот» [4].

Как всегда у В. Шарова, жанровая природа текста трудно определима: квазиистория, параистория, альтернативная история, роман-симулякр, роман-эхо, утопия, постантиутопия, фэнтэзи, эсхатологический роман, семейный роман, философская притча, апокриф, абсурдистский роман, роман-фантазмагория на стыке реалистической прозы и постмодернизма. Сам писатель обозначает парадоксальность абсурдистского преломления истории следующим образом: «Можно сказать, что моим вещам повезло. Страна развивается так, что то, что вчера казалось невозможным абсурдом, стало реальностью» [2]. Но в любом

¹ Смотрите также предыдущие романы: «След в след», «Репетиции», «Воскрешение Лазаря», «До и во время», «Мне ли не пожалеть» и др.

случае в центре внимания писателя всегда — исторические личности, в которых в высшей степени воплощен дух: Скрябин, Федоров и т. д.

В жанровом отношении роман также интересен как двойная реакция, с одной стороны, на чрезмерно продуктивно оформившуюся в литературе советского времени художественную лениниану («Семья Ульяновых» М. Шагинян, «Маленькая железная дверь в стене» В. Катаева, «Черные сухари» Е. Драбкиной, «Пароль Надежда» З. Воскресенской и т. д.), с другой стороны, на отчетливо сложившуюся в постсоветское время систему с противоположным знаком — антилениниану («Ленин в Цюрихе» А. Солженицына, «Моя маленькая лениниана» Вен. Ерофеева, «Человек и его окрестности» Ф. Искандера, «Молох» Ю. Арабова, А. Сокурова и многое другое).

Роман В. Шарова находится как будто посередине этой парадигмы, представляя некий мейнстрим, стремящийся к объективной характеристике времени, соблюдению дистанции, четкой исторической персонализации, поскольку соединяет как утопию советского времени, так и антиутопию постсоветского периода. Где реальность, а где миф — граница не очерчена. Сюжет, как всегда у В. Шарова, — заведомо неправдоподобный фарс на грани бреда.

По версии писателя, весь прошлый век, да и начало нынешнего определила революция 1917 года. В конце жизни вождь мировой революции В. И. Ленин уверовал в Бога и планировал осуществить то ли крестный ход, то ли крестовый поход беспризорников в Святую землю. Как бы реальный Ленин предстает мистиком, переосмыслившим революцию через призму Нового Завета. Больному, медленно впадающему в маразм, ему открывается истинный путь спасения всего человечества — поход детей в Иерусалим. Невинные дети должны спасти революцию и вымолить для России светлое будущее.

На место одной утопии (коммунизм) воздвигается другая (религиозный путь спасения человечества). Однако уверовавший в Христа Ленин не становится менее кровожадным, нежели был исторический с его идеей диктатуры пролетариата и красным террором: «Пусть десятки тысяч из них убьют, а другие десятки тысяч продадут в рабство, даже если один единственный дойдет и обратится к Господу, он нас всех отмолит, всех спасет» [5, № 1, с. 58].

Эсхатологические мотивы в романе связаны с проблематикой на уровне контрверсий (контрапункта): святость — греховность, добро — зло, плоть — дух, земное — небесное, историческое — мифологическое. «Для меня существуют как бы две истории — обычная, в которой торгуют, строят, пахут, и другая, совершенно библейская, в которой те же люди пытаются объяснить, понять, зачем они этим занимались» [2, с. 174].

Ключевым моментом в романе становится мистический фантазматический переход в Царство Божие, который намеренно обыгрован: «Когда первые из коммунаров ступили на идущую прямо в Иерусалим лунную дорожку, специально расстеленную для них Господом, она, словно непрочный плетеный настил прогнулась, по ней прошла рябь, и толпа замерла, однако Полуэктов начал молиться еще истовей, еще громче и яростней, и дорожка, будто испугавшись Божьего гнева, выровнялась, сделалась по-старому гладкой» [5, № 1, с. 93]. По этому

принципу организуется все повествование: вымышленные события позиционируются как реальные, идеологический герой мифологизируется, конкретно-исторический план перемежается с вольными фантазиями, вера соседствует с богохульством. И. Каспэ отмечает такой принцип художественного метода В. Шарова, как нарушение правил поведения на тех территориях, которые традиционно ассоциируются с нормативностью и подлинностью. «Определяющая черта героев романа – ужас неотмоленного греха, который подразумевает молитву наугад, на всякий случай, без надежды на ответ, без шанса восстановить внутреннюю иерархию добра и зла [6, с. 27].

Линии многочисленных сюжетов сходятся в глухом, непролазном, необъятном болоте Медвежий Мох, прообразом которого является мифический Светлояр, и эта конкретная топь становится метафорой зыбкого исторического времени и пространства России. «Это болото принимает и примиряет всех: и отшельников-страстотерпцев, и фантастический град Китеж призрачно светится из-под трясины, и крестные ходы красных и белых, староверов и никониан, врангелевцев в Крыму. Все сходятся и мирятся у трясины. И аллегория так ясна, что впору идти к болоту топиться» [7, с. 168].

Героиня романа Дуся, блаженная, юродивая, провидица, пророчествует о том, что апокалипсис не будет похож на тот, каким его описывал апостол Иоанн. Не будет ни землетрясений, ни страшных зверей, ни пожирающего всех и вся пламени перед концом света. «В последний час с каждой без изъятия человеческой душой будет поступлено, как с самой Дусей в 1926 году. Начнется ее торжественное, по полному чину отпевание. Долгое, печальное, неспешное, чтобы не остался забыт, не отпущен ни один, даже невольный грех» [5, №2, с. 122].

Утопический дискурс оформляется в романе разными сюжетами: идея о детях как богоизбранном народе, созревшая в больном сознании Ленина; идея Троцкого-Дзержинского использовать «младенческий» народ энцев для похода на белополяков; идея Павла Мухина о христианской крестоносной дружине белых офицеров из Сибири, которая спасет Россию; наконец, утопия Дуси, мечтающей принять новое крещение в водах озера Светлояр. Но главная утопия – «будьте как дети». Уже в самом названии романа обозначена связь с христианской историей: «Две тысячи лет назад Вифлеемские младенцы с радостью принесли в жертву свои жизни, будто тельцы, отдались на заклятие преступному Ироду, чтобы мог жить Спаситель» [Там же, №1, с. 58]. На протяжении всего романа эта идея реализуется во множестве вариантов: «Взросление есть путь греха и ухода от Бога. Каждый день, который прожил человек на земле, до краев наполнен грехом и лишь отдаляет от Бога» [Там же, №2, с. 26]; «Взросление – это принятие в свою душу греха, в мире же, который построят дети, греха не будет вовсе, а значит, не будет и взросления» [Там же, с. 58].

Столкновение мифа с антимифом, утопии с антиутопией, ленинаны с антиленинианой рождает абсурд. Христианский концепт –

все виноваты за всех — причудливо сочетается в романе с характеристикой революции как явления религиозного, но извращенного теми, кто предлагает земной рай вместо небесного.

Заповедь Христа «Будьте как дети, ибо их есть Царствие Небесное» и сама попытка «стать как дети», по мысли писателя, возможна только в ее утопическом варианте.

Список литературы

1. Шаров В. Будьте как дети. М.: Вагриус, 2008.
2. Шаров В. Есть образ мира, который я хочу записать // Дружба народов. 1996. №8. С. 172–177.
3. Гедройц С. В. Шаров. Воскрешение Лазаря: рецензия // Звезда. 2003. №2. С. 233–235.
4. Иерунова Н. В. Шаров: Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком: интервью // Дружба народов. 2004. №8. С. 191–198.
5. Шаров В. Будьте как дети // Знамя. 2008. №1, 2.
6. Каспэ И. «Не вря, не ржа, не спася» // Новое литературное обозрение. 2008. №93.
7. Малюкова Л. «Будьте как дети» В. Шарова // Новая газета. 2008. 10 сент.

Об авторе

Н. Е. Лихина — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, slavphil@newmail.ru

Author

Dr. N. Likhina — Associate Professor, IKSUR, slavphil@newmail.ru